

A black and white portrait of a woman with long, dark, curly hair. She is looking directly at the camera with a slight smile. She is wearing a light-colored, button-down shirt. The background is dark and out of focus.

Топоркова Наталья

**ВОДОНАПОРНАЯ
БАШНЯ**

Наталья Топоркова

Водонапорная башня

«Автор»

2017

Топоркова Н.

Водонапорная башня / Н. Топоркова — «Автор», 2017

Кате пятнадцать, и ее лето с бабушкой проходит беззаботно и неспешно, пока в дом напротив не приезжает семнадцатилетний юноша. Первое чувство приносит в ее жизнь новую радость, но вместе с тем и разочарование. Старшая сестра Кати Элен - красавица и большая модница - встает на пути их с Антоном отношений. На первый взгляд, все трое оказываются вовлеченными в какой-то сериал с банальным любовным треугольником в сюжете, но в истории появляется новый участник, и финал начинает звучать неожиданно трагично.

© Топоркова Н., 2017

© Автор, 2017

Голос

Огромное июльское солнце вставало рано и медленно проплывало сперва над дальними пашням, затем над заброшенными колхозными полями и наконец, минуя соседские огороды, на целый день повисало над крышей бабушкиного дома, раскаляя ее до треска. В доме наступало время обеда, а после него все и даже мухи замирали до того предвечернего часа, когда солнце начинало глядеть в западные окна и клониться к пруду у края деревни. Домашняя суэта оживала опять, готовился сытный ужин и до темноты бормотал телевизор. Так дни моих школьных каникул делались похожими друг на друга и постепенно превращались в одно скучное мореное безвременье. Я то загорала на крыше сарая на заднем дворе, то пощипывала пузатую смородину в саду возле дома, то, открыв затхлую библиотечную книгу, тотчас же засыпала.

Вот и сегодня в послеобеденном устатке я лежала на кровати и держала перед глазами открытую книгу, но сон никак не шел. В комнате становилось жарко, и мысли из головы испарялись, едва успев там появиться. Мой ленивый взгляд снова и снова прошивал ровной строчкой одну и ту же страницу, но слова никак не хотели соединяться между собой смыслами. Читать больше не хотелось, и я, задрав грязные ноги на прибитый к стене ковер, уставилась в свежее-побеленный потолок.

На кухне варилось варенье. Ложка стучала о стенки стеклянных банок, крышки кастрюль подлетали и со звоном опускались на волны кипящей под ними лавы. Войском командовала бабушка и то и дело победоносно прогуливалась по скрипучим коридорным половицам до погреба и обратно. По радио женщина рассказывала, как правильно подкармливать рассаду и прищипывать корнеплодные хвостики.

– “Как скучно,” – думала я и считала на ковре узоры в виде морских коньков.

– Триннадцать, четырнадцать... Пятнадцать морских коньков! – громко объявила я своим пяткам.

– “И лет мне уже пятнадцать. Целых пятнадцать! Вечность”.

Чувству, которое было моей отрадой, я бы, пожалуй, не подобрала лучшего определения, нежели – беспечалие. Я любила мир в той степени, в которой могла его объяснить для себя. Я радовалась тому, что находила вещи там, где их сама же и оставила, тому, что любой бабушкин шаг угадывался мной заранее и безошибочно, что учителя в школе рассказывали о свойствах и явлениях, которые я открыла уже давно, только дала им другие названия. Пространство вокруг было мною завоевано и обжито настолько, что становилось скучно. Тогда на помощь мне приходило мое воображение и бессменно увлекало меня в полет, высоко над привычными и понятными вещами.

Я закрыла глаза, и стала подниматься над крышей нашего дома, над огородами и лысыми полями. Лицо окатила приятная прохлада, душный воздух стал таять, и мои пятнадцать морских коньков остались далеко внизу на бордово-красной глади моря шерстяного ковра.

– “Вечность – это много или мало?” – думала я, поднимаясь над деревней. – Много бывает бабушкиных блинов с вареньем, а иногда и самой бабушки, особенно, если она вот так шумит, когда я пытаюсь уснуть, мало же бывает, наверно, только радости, хотя...”

Я открыла глаза. Бабушка на цыпочках, вооруженная заляпанной ягодной кровью поварешкой, пересекала мою комнату. Большая, как гора, она ступала совершенно бесшумно, думая, что я сплю, несмотря на грохот ее кухонной артиллерии.

– Я не сплю, ба.

– А че так? Поди жарко? Мож окно открыть? – очередью выпалила она и, взяв ориентир на окно, продолжила красться.

– Да, жарко, – выдохнула я.

Бабушка открыла окно, и занавеска с головы до ног захлестнула ее своей тюлевой пеной. Выпутавшись, она широким резким жестом, будто держала в руке саблю, наотмашь дернула занавеску влево и устояла во вражеский горизонт.

– Кто такие? Не могу понять, – озвучила она ход своих мыслей и прищурилась.

Вопрос ее прозвучал как казарменный будильник. Я подскочила на кровати и вытянула шею, пытаясь поверх пышных шапок гераньи увидеть то, на что она смотрела.

– Точно не нашенские – городские, – маскируясь, продолжала бабушка разведку.

– Ну и что такого? Не к нам ведь приехали, – расстроилась я.

– Глянь-ка, со всеми пожитками! Сколько чемоданов-то! Стало быть теперь соседи.

Я всегда получала огромное удовольствие наблюдать, как яд праздного любопытства отравляет человеческое существо. Он имеет свойство мгновенно всасываться в кровь и, парализуя центральную нервную систему, заставляет людей принимать наиглупейшие позы подсматривающих и подслушивающих.

– “Ей бы бинокль”, – подумала я.

Вдруг я живо представила, как бабушка, одетая в лилово-розовый камуфляж под цвет гераньи, с офицерской выправкой стоит напротив окна и прикладывает к глазам бинокль. Долго так стоит, не шелохнувшись, а потом скупым на эпитеты армейским языком начинает докладывать обстановку: “Их трое. Среди них женщина – мать. У нее ключи. Открывает ворота. Мужчина лет сорока – отец – паркует машину. Есть еще мальчик лет семнадцати. Наблюдение заканчиваю”. Я громко рассмеялась, чем, по-видимому, смутила бабушку, и она оставила свой наблюдательный пункт.

– Я ведь зачем-то сюда зашла, а зачем – не помню, – говорила она, а ее взгляд воровато обшаривал углы.

То, как работала бабушкина память, представляло для меня одну из самых неразрешимых загадок во вселенной. Она хорошо помнила свое детство, войну и буквально по дням и летам могла восстановить их долгую и, казалось бы, однообразную жизнь с дедом. Она помнила года, когда были засухи и “горело” сено, когда заливало картошку, и копать ее приходилось, стоя по колено в воде, и даже какой расцветки был шарф, который она отдала деду, когда он пришел ее сватать. После же дедовой смерти ее память будто кто-то запечатал, как конверт с письмом, на исписанных листах которого больше не осталось места для новых событий. Она стала путать дни недели, забывать, где оставила свои вещи, и клала ли соду в блинное тесто. Будто память ее была сосредоточением ее души, которая жила теперь глубоко, как в погребке, в прошлом. Здесь же со мной, на поверхности, было то немногое, что от нее осталось, и чего еще хватало на ее неизменно вкусные пироги и редкие ласки. Я улеглась поудобней на бок, положила голову на одну руку и с видом полного участия стала сканировать взглядом предметы в комнате.

– Может за газетой зашла?

– Не, газет в кухне полно, – отклонила она мою версию.

Кстати, в бабушкином доме газеты никогда не подразделялись на свежие и несвежие, а понятия “вчерашней газеты” просто не существовало. Было четкое разделение на чистую бумагу и газеты, особенно если речь заходила о вещах весьма интимного свойства. Этот позабытый мной факт скупой бабушкиной практичности сделал мою версию несостоятельной.

– Ножницы может?

– Да, че гадать теперь? Черт с ним!

С этими словами она зашуршала мозолистыми загрубевшими ступнями по ковру и скрылась в кухне. Повернувшись в кровати, я легла на живот и уткнула лицо в прохрустевшую гусиным пером подушку.

Краем глаза мне все-таки удалось увидеть мальчика, приехавшего с родителями в дом напротив. Он был высокий и русоволосый, а еще в его походке было что-то необыкновенно

притягательное и неуловимое. Я не разглядела его лица, плохо рассмотрела его фигуру, но я запомнила его голос. Он бросил что-то короткое и неразборчивое вслед отцу, когда тот понес коробки во двор, и я его услышала. В том, как он говорил, был призыв к действию. Хотелось вскочить с кровати и бежать навстречу какой-то легкой беспричинной радости. Герои советских фильмов говорили очень похоже, но их радость всегда звучала приторно и неправдоподобно, а после их коллективного катарсиса и вовсе хотелось плакать от отчаяния. Бабушка в конце таких фильмов часто говорила – “нагородили же”, и я с ней полностью соглашалась. Этот же молодой звонкий голос подкупал и покорял какой-то бескорыстием, потому что сам его обладатель, казалось, был искренне весел, и его радость была тождественна самой себе. Каким-то юным беззаботным счастьем звенели колокольчики в его голосе, и, услышав их, я поняла, что прежней мне не быть уже никогда.

Случались со мной интересные знакомства, у меня были друзья, но никто и никогда не вмешивался в мой внутренний диалог. Голос же этого юноши теперь отзывался в моей голове эхом. Я лежала и ровно дышала в подушку, а он кружился надо мной и звенел. С того дня что бы я ни делала, о чем бы я ни думала – все имело целью нравиться, привлекать, удивлять, не просто изливать свою молодую энергию в мир, а делать это красиво с оглядкой на какого-то вечного зрителя. И как не пыталась я мирно и беззаботно уснуть, мне это больше не удавалось ни в тот далекий июльский полдень, ни многие годы позже.

Велосипед

На следующий день я проснулась раньше момента, когда бабушка, потеряв терпение и уставши подогреть мою утреннюю яишенку – так она почему-то называла омлет – заходила в комнату и полушепотом сообщала последнюю метеосводку. Я любила вот так просыпаться под это ее тихое бормотание. Иногда, проснувшись, я нарочно ждала, когда она дослушает прогноз по радио и придет ко мне, чтобы известить о температуре воздуха, влажности и возможности осадков.

Сегодня было не до погоды и, если быть совершенно откровенной – не до бабушки. По обыкновению, она стояла на кухне, когда я вышла к завтраку. Ее грузное белое располневшее тело, как подходившее тесто, заполняло собой все пространство крошечной кухни. На ней было домашнее легкое платье, расцвеченное какими-то невообразимыми жар-птицами, и фартук, связанные концы которого, как верные канаты альпинистов, выдерживали тяжелые нагрузки каждый раз, когда она садилась или нагибалась за чем-нибудь.

– Доброе утро, – сказала я и полезла в холодильник за кусочком недоеденного сыра.

От неожиданности бабушка вздрогнула всем своим большим телом.

– Чет ты рано сегодня, я еще даже ничего не сготовила. Заболела что ли?

Сыра в холодильнике не оказалось.

– Просто так. Почему сразу заболела? – недовольно буркнула я, исследуя необитаемую пещеру холодильника.

Мой ответ явно насторожил бабушку. В ее мире все функционировало согласно давно заведенному порядку, и у всего, даже у такого, казалось бы, случайного явления, как залетевшая в форточку муха, была своя причина. Поэтому мое “просто так” не означало ровным счетом ничего, то есть ничего того, что пролило бы свет на дело кражи целых двух часов сна у здорового подростка на летних каникулах.

– Говорила тебе вчера в воду не лезть. Такой ветер не хороший был. Ну-ка, дай лоб потрогаю, – начала она свое расследование.

“Лезть в воду” на бабушкином языке означало купаться, а степень нехорошести ветра могла варьироваться в зависимости от обстоятельств, в которых ветер тебя заставлял.

– Ба-а! – нараспев мажорной терцией выразила я свое недовольство, но лоб все-таки подставила.

Бабушка коснулась моего лба тыльной стороной ладони и, подняв глаза к потолку, замерла на несколько секунд с видом загадывающего желание именинника.

– Хочешь блинов испеку? – заботливо спросила она.

Вопрос означал, что температуры у меня нет, и что ее радости хватит на исполнение любого моего желания.

– Спасибо, ба – я люблю твою яишенку, – отплатила я той же монетой.

Слово “люблю” в нашем лексиконе было припасено на черный день. В каждодневном словообороте была в ходу все больше тусклая медь, а вот золотые монетки сердечной нежности были тщательно припрятаны для особых случаев. Поэтому каждый раз, доставая на свет ценную монетку, я была абсолютно уверена, что трачу ее в нужный момент и только на самое необходимое.

Бабушка с какой-то невинной девичьей застенчивостью улыбнулась всем своим широким и круглым лицом, напоминая каравай, и принялась бить яйца над чашкой. Окно напротив стола было открыто, и я опять могла слышать голос, субтоннальное звучание которого непреодолимой силой выманило меня из дома.

Вся трапеза заняла минуты четыре, что как минимум в четыре раза было короче обычного. Я вылетела во двор, перескочила несколько пар обуви у крыльца и вскарабкалась на массивные деревянные ворота. Через дыру для писем и газет наконец-то я могла разглядеть того, музыка голоса которого за несколько часов сделалась для меня событием вселенского масштаба.

Дом напротив давно был оставлен его хозяевами. Последним жителем была старушка по имени Марфа, которая умерла тихо, как умирают все одинокие бездетные старушки. Если бы не огромный навесной замок, появившийся на воротах вскоре после ее смерти, никто бы, наверно, даже и не заподозрил “неладное”, как говорила бабушка. С тех пор прошло лет пять, а в доме так никто и не поселился. Размываемые дождями и талым снегом краски, в которые с такой любовью и заботой был некогда выкрашен дом, бледнели год за годом. Потом под тяжестью снежных шапок и льда искривилась и просела крыша, а вместе с крышей и деревянные ворота. Каждый год, приезжая к бабушке на летние каникулы, я с интересом подмечала все новые и новые перемены в облике этого заброшенного жилища. Было ясно – неравная борьба со временем безнадежно проиграна, и на душе у меня делалось как-то неприлично радостно и спокойно.

Теперь же, будто молодой росток, пробившийся среди завалов никому ненужного старья, энергичный юноша заносил в дом чемоданы, а рядом стоял его велосипед.

Как могла до последнего я висела на воротах, удерживаясь на кончиках пальцев своих ног и рук, вцепившись в широкую деревянную балку. Если бы в этот момент кто-нибудь подошел и внимательно пригляделся, то в продолговатом отверстии увидел бы два широко раскрытых глаза, смотрящих из полумрака на дневной свет с удивлением и восторгом прозревшего слепца.

Не помню, как и когда мои онемевшие пальцы расцепились, помню только, что в одно мгновение я оказалась на полу. Колено немного саднило, но не доставляло никакого неудобства. Боль отрезвила, и я стала быстро соображать, что делать дальше. Эта мысль и желание действовать были настолько внезапными, захватившими все мое существо, что я в одно мгновение вскочила на ноги и побежала на задний двор, где в сарае вот уже пару лет пылился мой старый велосипед.

Из-под завалов барахла я спасла и вынесла на свет своего раненого коня. Некогда новый с отливающей на солнце серебряной эмблемой “Тисса” сейчас он представлял собой жалкое зрелище. Одним из свойств моего характера была легкая ипохондрия, что, по-видимому, было уравновешивающей силой моей страсти до всего нового и пока еще непонятного. Как спичка

я мгновенно вспыхивала и прогорала. Я с энтузиазмом бралась за новые дела и оставляла их, как только они мне покорялись. Так случилось и с велосипедом. Штурм этой крепости дался мне нелегко. Здесь не было все так просто. В деле приобретения велосипеда было одно непреодолимое обстоятельство – у моих родителей не было на него денег. В основном мастерство езды мне приходилось осваивать на тяжелом папином гиганте с закрытой рамой. Я приноровилась просовывать под раму одну ногу и вот так, держась за руль и свисая с одного бока, как безбилетный пассажир с подножки трамвая, крутить педали. А иногда разжалобленные моими настойчивыми “дай прокатиться” мальчишки во дворе вверяли мне свои велосипеды на время, пока мамы кормили их обедом. И к моменту, когда отец, улыбаясь, внес громоздкий подарок в дом и поставил его в прихожей, моя страсть к езде на велосипеде уже минула точку невозврата. Как это обычно бывает во всех любовных историях, я сделала несколько попыток реанимировать чувство методами весьма изощренными и часто небезопасными. Я крутила на своей новой Тиссе сальто, неслась на полном ходу с высоких щебенчатых насыпей, ныряла в котлованы с забродившей зеленой водой, но все было тщетно. И вот однажды, оставив его уставшего с изогнутым восьмеркой колесом в бабушкином сарае, я забыла про него окончательно.

– Требуется ремонт, – со знанием дела подытожила я, обойдя велосипед кругом.

Я занесла его во двор и уложила на бок напротив полуоткрытых ворот. От деда, который умер год назад, осталась мастерская, где он держал свои сокровища. Имея в голове четкое представление того, что ты собираешься мастерить, отыскать там все необходимое не составляло труда. Дед любил порядок.

– Ключ на двенадцать, клей и кусочек велосипедной покрышки, – шептала я себе под нос, оглядывая стол и полки в тускло освещенной мастерской.

Уже через час переднее колесо велосипеда было разобрано, а все болтики, гаечки и колпачки стройным рядом лежали на полу. Неожиданно я вспомнила нечто важное.

– У меня же нет насоса!

Два года назад родителям я сказала то же самое, когда они спросили, почему я больше не катаюсь на велосипеде. И как это обычно бывает во всех любовных историях, истинные мотивы разрыва были замолчены.

– “Нет насоса, и черт с ним”, – успокаивала я себя, начиная понимать, как извлечь выгоду из этого положения.

Откуда взялась во мне эта смелость и дерзость, я не знаю, но только какую-то минуту спустя, я уже переходила дорогу, направляясь в дом напротив. Подойдя к воротам, я задержала дыхание. Я расправила плечи и зачем-то втянула живот. Немного помедлив, собрав всю свою храбрость в кулак, я с силой ударила этим кулаком в косяк. Тут же за воротами раздался шум быстро приближающихся шагов. Чувство было такое, будто я проглотила собственное сердце живьем, и оно еще теплое трепыхалось в моем желудке, раздаваясь глухим биением в горле и ушах. Ворота широко распахнулись и ко мне, улыбаясь открыто и искренне, вышел он.

– “Вечность, – подумала я, – вот сколько тебя. Ты ничтожно мала и немыслимо велика одновременно. А еще ты здесь, рядом, не в моменты, когда я думаю о тебе, а когда я вообще не способна думать”.

Бывает, ты всматриваешься в розовеющий горизонт и ждешь рассвета. И вроде бы все в душе готово встретить начало нового дня твоей жизни, но почему-то появляющееся солнце каждый раз застает тебя врасплох. Такое же головокружение охватило меня тогда, когда передо мной, как солнце из-за горизонта, вырос высокий красивый юноша, и вокруг сделалось еще светлее. Я стояла напротив него молча и пыталась вспомнить, как я оказалась там, где оказалась, а главное – зачем.

– “Я выгляжу сейчас так же смешно, как и моя бабушка, которая, дойдя до комнаты, никак не может вспомнить, зачем она туда шла”.

Представив всю нелепость своего положения, я начала смеяться. Мой нежный друг, глядя на меня, тоже раскатился задуховным смехом. Мы переглядывались и смеялись, а когда уже судорогами начинало подводить живот, перегибались пополам и приседали на корточки.

– Как тебя зовут? – наконец спросил он.

– Катя, – ответила я и почувствовала, как нижнюю челюсть сводит судорогой.

– А я – Антон.

– Мне нужен велосипедный насос... Антон!

– Зачем он тебе? – удивился он.

– Шину накачать, – ничуть не меньше удивилась я.

– Сама будешь накачивать?

– Нет, соседа позову.

– С сегодняшнего дня я и есть твой сосед, – очень кстати добавил Антон.

– Ну, вот и договорились. Приходи после обеда, часа в два.

– Приду.

Мы распрощались, и я направилась к своему дому.

– “Как легко было просто так с ним болтать и смеяться. То самое “просто так”, ничего не означающее, не ведущее ни к каким болезням и несчастьям. Надеюсь, моей бедной бабушке довелось испытать подобное хоть раз в жизни. Как-нибудь я расспрошу ее об этом”, – думала я, переходя дорогу.

Просто Мария

На ходу выпрыгнув из своих стоптанных пыльных сандалий, я с легкостью олимпийского прыгуна взяла крутую высоту крыльца в десять ступенек и вбежала в дом. Бабушка, как всегда, была на кухне. Втиснутая между газовой плитой слева и стеклянным шкафом справа она “выдумывала что-то к обеду”. Справедливо будет заметить, что границы ее фантазии в отношении, например, картошки пролегли далеко за пределами человеческих возможностей в земных условиях. Буквально из ничего у нее получались кулинарные шедевры. Помню, когда Алиса Михайловна диктовала нам под запись непреложные физические законы массы, я рисовала на полях лошадиные морды и думала о бабушкином картофельно-морковном пироге с начинкой из свекольной ботвы.

Она стояла ко мне спиной, и ее большие руки что-то массажировали на кухонном столе. То ли от радостного предчувствия того, что на обед будет пирог – один из тех, мастерство приготовления которых у нее было доведено до совершенства – то ли из-за приятного утреннего знакомства, но неожиданно мне захотелось обнять бабушку и почему-то попросить прощения. Я налетела на нее сзади.

– Ты че? – прогремела она. – Че случилось?

– “Ну вот, опять она за свое”, – расстроилась я, но героически, как альпинист, всем телом продолжала прижиматься к ней, как к отвесной скале.

Зажмурившись, я старалась не смотреть вниз и не думать о позорном падении.

– Ничего, просто так, – ответила я тихо и почувствовала, как слезы подступили к моему горлу.

Я открыла глаза, мои руки отпустили холодный камень, и я сорвалась вниз. Я упала на стул возле стола. Бабушка молчала и не двигалась, но мне хотелось верить, что где-то в глубине ее души, заглубившейся от тяжестей и лишений жизни, она тоже сейчас плачет. Без единого слова она опять продолжила раскатывать пышное тесто. Я сидела возле нее и выводила пальцем на присыпанном мукой столе цветы и змеевидные узоры. Молча она подала мне пакет с желтыми обсыпанными сахаром конфетами и прохлопала в ладоши, стряса с них муку. Эти ее аплодисменты всегда были как приглашение и означали мой выход на сцену кулинарного дей-

ствия. Беря одну конфету за другой, я утапливала их в рыхлой мягкости теста, а они непослушно пружинили под моими пальцами. Я настойчивей топила их и думала, что, наверно, права была Алиса Михайловна, и что есть в мире какая-то непреодолимая сила, которая, выбросив тебя в эту жизнь, все время лупит по голове, не давая всплыть, пока совсем не утягивает на дно.

– Как его зовут? – вдруг прервала мои мысли бабушка.

– “Как это у нее получается?” – удивилась я про себя.

– Антон.

– Они надолго сюда?

– Не знаю, я не спросила.

– Ты зачем велосипед разобрала? – продолжила бабушка свой допрос.

– Починить хочу, опять хочу кататься.

– Чет серьезное там?

Я взяла паузу на обдумывание. Спущенное и восьмеркой изогнутое колесо было не просто серьезно, это была катастрофа. И, если бы не любезно предложенная Антоном помощь, можно было бы забыть о поездках с ним к пруду, к старому кладбищу за стадионом или еще интересней – на дальние пашни к водонапорной башне.

– Да, пустяки – спущенное колесо, – бросила я тоном профессионала, как говорят перемазанные машинным маслом парни, выходя из гаража перекурить.

Бабушка ничего не ответила а только, видимо, дивясь моим незаурядным способностям, покачала головой. Повсюду в кухне уже витал хлебный дух, знаменующий собой грядущее блаженство. Она протерла от муки стол и водрузила на него трехлитровую банку, полную молока. Маленькие росинки струйками побежали по ее стеклянным стенкам. Я взяла стакан и, для баланса встав со стула, налила себе молока.

– Холодное! Сразу не пей! – успела сказать бабушка в ту самую секунду, когда мои губы коснулись стакана.

Я оставила стакан, и мы в полной тишине стали дожидаться того момента, когда сработает ее внутренний будильник, оповещающий о готовности пирога.

– Обожди пять минут – ему отдохнуть надо, – сказала она, вынимая из печи противень с пирогом и с материнской заботой накрывая его полотенцем.

Еда для бабушки представляла собой особую ценность. Она часто рассказывала одну историю. Одиннадцатилетней девочкой, возвращаясь из магазина с хлебом, чтобы сократить дорогу до дома, она решила перелезть через изгородь соседских огородов. Перекинув через изгородь сумку, она отправилась следом за ней. Дальше повествование ее становилось очень эмоциональным. “И вот влезаю я на этот забор, – рассказывала она, – и в это время раздается заводской гудок. И так гудит и гудит, минуту, вторую! – зажмуривая глаза, продолжала она свой рассказ. – Я шлепнулась с этого забора и бежать. И вот помню – бегу я до дома, бегу, а гудок все гудит и гудит.” Здесь она обычно прерывалась, чтобы перевести дух, и продолжала уже спокойно. “Дома мать говорит: “Война началась!” Я тогда ничего не поняла, только вспомнила, что оставила сумку с хлебом возле забора. Конечно, я ее там не нашла. Потом я испытала, что такое война и голод, и всю войну эта сумка стояла у меня перед глазами, – понижая голос, заканчивала свой рассказ бабушка и добавляла в конце: “Как сейчас помню”.

Через несколько минут я уже уплетала пирог, запивая его холодным молоком. Бабушка же под предлогом мытья посуды оставалась на кухне и терпеливо ждала заветные слова похвалы.

– Ба, вкусно очень! Спасибо!

– На здоровье, – тихо ответила она и довольная с еще большим усердием продолжила тереть тарелки.

В любой другой день в это послеобеденное время я бы свернула к себе в комнату и, устроившись на кровати, стала бы поджидать сон, но только не сегодня. Времени до того, когда придет Антон, оставалось всего ничего, а мне еще предстояло вытащить велосипед на улицу.

К двум часам все было готово, и я, уставшая и все еще тяжелая после плотного обеда, полулежа расположилась у дома на лавке. Солнце жгло открытые плечи и запрокинутое лицо, плавило асфальт под моими ступнями и делало ремешки моих сандалий мягкими и горячими.

– “Главное – не уснуть, – думала я, борясь с очередной волной накатывающей дремоты. – Усну – сгорю заживо”.

Это была последняя вразумительная мысль, которая храбро, изо всех сил держалась в моей голове, пока не капитулировала под натиском крепкого сна.

Когда сознание вернулось ко мне, я еще какое-то время оставалась неподвижной. Нестерпимая палящая боль во всем теле парализовала не только мою способность двигаться, но и думать. Я никак не могла вспомнить, что было со мной до того, как случилось все это.

– “Он не пришел!” – как молнией ударило меня так, что я позабыла о своих солнечных ожогах.

Я открыла глаза. Солнце сменило свой полуденный гнев на предвечернюю милость. Приподняв себя на руках, я села на лавку. Первое, что я увидела, были мои ноги, которые напоминали по цвету две сваренные сосиски. Я сняла сандалии и обнаружила чудно инкрустированные узоры в местах, где ремешки особо плотно прилегали к коже. Все это доставляло жуткий дискомфорт, но не шло ни в какое сравнение с горечью неоправданных ожиданий. Я встала и, не обращая никакого внимания на велосипед, поплелась домой.

В доме все было готово к вечернему сеансу просмотра “Просто Марии”. Ужин был сготовлен и оставлен на плите. Сковороды, тарелки, вилки и ложки, выдраенные до блеска, как военные трофеи, были свалены в груды на столе на полотенце. Из комнаты доносилось знакомое “Мария эслафлор кваэленкампо седа.” Я на цыпочках подошла ближе и просунула голову в дверь.

Занавески были плотно задернуты, и предзакатные желтые лучи солнца подсвечивали их, проектируя на стены и мебель принты в виде замысловатых японских огурцов. Бабушка, словно позируя невидимому Рембрандту, заложив одну руку за голову, с выражением удовольствия на лице лежала на диване и смотрела в телевизор, где просто Мария строчила на своей швейной машинке. Вдохнув полной грудью и прищурившись, как за мгновение до оплеухи, я шагнула в комнату.

Бабушка перевела глаза на меня, потом на просто Марию и наконец, осознав то, что она увидела секунду назад – опять на меня. Ее брови взмыли вверх, а глаза округлились. Она приподнялась на локте, протянув вторую руку ко мне, и окончательно стала напоминать Даная. Я подошла и села с виноватым лицом на край дивана. Обеими руками она несколько раз пощупала воздух в нескольких сантиметрах от моего лица и плеч, подобно снимающей порчу гадалки, а потом сказала:

– Ниче, у меня сметана есть – помажем.

После всего случившегося еще и быть вымазанной сметаной мне показалось совершенно унижительным, и я бы могла возразить против таких крайних мер, но не сделала этого.

– Ладно, помажем, – ответила я и повернулась к телевизору.

Просто Мария просто издевались надо мной этим вечером. Как назло, ее возлюбленный Виктор, “похожий на Колю-барана”, как говорила бабушка, всю серию вился вокруг нее, отпуская поцелуи. Они прижимались друг к другу и как-то неестественно смеялись, умножая мое горе. В моменты их любовных ласк, когда, казалось, было уже невозможно терпеть этот цирк, я отводила взгляд в сторону или начинала рассматривать потолок, что, кстати сказать, делала и бабушка.

– “Уйти в свою комнату, значит – сдаться,” – думала я.

Сдаться этого новому, сулящему вечную радость чувству, так неожиданно охватившему меня. Сдаться этому самовлюбленному мальчишке, смеющему нарушать ровное течение дней моих летних каникул. Сдаться упрямому поломанному велосипеду, ноющим ожогам, красивой и смеющейся просто Марии...

– “Ну, уж нет! Нас с бабушкой этой вашей мексиканской любовью не пронять!” – мысленно подытожила я.

Самбреро

Ночью мне снилась горячая Мексика. У меня была температура. Жар от солнечных ожогов прокрался в мой сон и сделался полуночным парным зноем далекого берега. В одной из многочисленных спален каменной виллы, на белых влажных от морского воздуха простынях лежала ленивая я. На мне было бабушкино платье с жар-птицами, а мои волосы были уложены фигурной волной, накатывавшей на мой лоб каждый раз, когда я приподнималась, чтобы выпить воды. Двери спальни были открыты и вели на широкий балкон, больше похожий на ботанический сад из-за всевозможных диковинных цветов и экзотических растений. Сильно пахло сметаной. Этот жирный густой запах, смешиваясь со сладостью цветений, вызывал чувство тошноты, как от перееденного мороженого. Иногда с улицы в комнату врывались шум машин и обрывки непонятной речи.

Вдруг воздух вокруг задрожал и завибрировал от стройных струнных переборов, и легкая мелодия живительным морским бризом наполнила пространство. Это была гитара, точнее несколько горячо спорящих между собой на испанском гитар. Я резко подпрыгнула на кровати, и мои волосы накрыли меня приливной волной. Я нащарила пальцами ног свои стоптанные сандалии и, встав на них как на лыжи заскользила в сторону балкона.

Луна лила свой мирный свет на землю. Буйная растительность плотным навесом укрывала балкон так, что лунный свет лишь кое-где просачивался сквозь пышную зелень и рассыпался маленькими серебряными звездами по мозаичному полу. Лавируя между этими звездами, я кометой пронеслась к балконному ограждению и свесилась вниз.

Четыре огромных самбреро, покачиваясь в такт музыки, плыли в летней ночи. Самбреро были настолько неправдоподобно большими, что из-за их соломенных полей сверху, с балкона, мне не было видно лиц музыкантов. Их гитары тем временем стали договариваться между собой, и вот уже вспыхнувшая в начале как непримиримая война страстная испанская мелодия разрешалась в согласие унисонных трезвучий. Я затаила дыхание, ожидая продолжение.

Доведя разговор до устойчивой тональной гармонии, гитары взяли паузу, и в этот момент раздался тот самый голос. Ставший дорогим и узнаваемым по искристым сопранным перезвонам голос теперь еще и пел. Я не сразу поняла откуда он звучит, пока самбреро одного из музыкантов, словно широкий плот, не перевернулось от порыва ветра и не упало ему на плечи. Сомнений никаких быть не могло – это был он. Даже в бархатном сумраке мексиканской ночи, в самбреро, поющего на чужом языке я бы узнала его.

– Антон! Антон! – закричала я и замахала рукой.

Что-то мокрое и холодное шлепнулось на мой лоб, и я в одно мгновение очутилась в знакомом интерьере.

– Ой, горе мне с тобой, горе, – причитала сидящая возле меня бабушка, придерживая мокрую тряпку на моем лбу.

– Он пел, ба, для меня пел, – бредила я.

– А че бы ему не петь? Дом, машина, денег полно, катаются с места на место, – ворчала она.

– Ты не понимаешь! Для тебя хоть когда-нибудь кто-нибудь пел?

– Что еще за вопросы? Спи давай, – резко ответила бабушка и погрузилась.

Я сняла с головы холодный компресс и отвернулась к стене. Бабушка медленно зашуршала пятками и вышла из комнаты. Капризное поскрипывание старых пружин говорило о том, что она благополучно добралась до своего дивана и улеглась. Все стихло.

Все, кроме моих мыслей. Мне казалось чудовищно несправедливым, что мир, который помещала моя душа, и, который был невообразимо многообразен и прекрасен, был по сути никому не интересен, кроме меня самой. Как так? Ведь я умею чинить велосипед, подолгу висеть на воротах, нырять солдатиком и выкапывать шалаш в стоге сена. Неужели все это никому не нужно? Неужели это не нужно ему?

Соль от выступивших слез обожгла раздраженные пылающие щеки. Я промокнула их о грубый хлопок подушки и вскоре начала проваливаться куда-то глубоко, возможно в бабушкин погреб, сырой и холодный. Температура спала.

Конфеты

“Согласно бюро метеоцентра, погода обещала быть ясной и солнечной, температура воздуха – двадцать восемь – тридцать градусов по Цельсию, вероятность осадков низкая”, – сообщила женщина по радио тоном зазубрившей урок пятерочки.

День звал. Оставаться в постели дольше было просто невыносимо. По дороге до кухни я успела впрыгнуть в свои шорты и убрать нечесанные волосы в хвост. Бабушка, услышав мой бодрый топот, замерла и уже приготовилась щупать мой лоб. Я вбежала в кухню.

– Скачешь? – с улыбкой произнесла она и, опустив руку мне на лоб, остановила меня, как шлагбаум.

– Доброе утро, – ответила я, уставившись на аккуратную стопку блинов на столе.

– Вот испекла, – застенчиво сказала бабушка.

Контрольный осмотр был успешно пройден, и меня ждал праздничный завтрак.

– Ешь давай, – дала бабушка сигнал к старту и поставила на стол банку свежего клубничного варенья.

Я выедала в румяных блинах три дырки, наподобие глаз и рта, и, приподнимая над тарелкой, трясла их в воздухе, озвучивая разными голосами. Блины то буквально рвались от хохота, то, съезжаясь в комочек, плакали клубничными слезами. Потом, наигравшись, я отправляла их в рот и запивала молоком. Бабушка не любила всех этих моих забав с едой – а я, кстати, еще умела лепить игральные кости из хлеба, складывать жареную картошку в поленницу и выкапывать колодец в рисовой каше – но сегодня все было иначе.

– “Сегодня можно все!” – думала я.

Вдруг кто-то едва слышно постучал в окно, и бабушка пошла открывать. Мое сердце екнуло. Неожиданно в голове зазвучала испанская мелодия, и, как в моем сне, нестерпимо захотелось выбежать на улицу. Я ерзала на стуле, изо всех сил сопротивляясь этому желанию. Мне вспомнились два магнита, которые Алиса Михайловна доставала из карманов своего платья и, демонстрируя нам силу магнитных полей, загадочно улыбалась.

– “Подумаешь – притягиваются”, – думала тогда я.

Сейчас же ощущение было такое, будто внутри у меня был один из таких магнитов, а чья-то невидимая рука поднесла еще один настолько близко, что все нутро сею же секунду отозвалось трепетным волнением. Блинов больше не хотелось. Бабушка все не возвращалась. Мои мысли, как стая потревоженных птиц, вспорхнули и полетели.

– “Это он пришел, – радостно думала я. – Должно быть бабушка расспрашивает его о чем-то, она ведь такая любопытная. А еще она выжидает время – дает мне доест спокойно, – продолжали кружить меня мои мысли. – Да только ей невдомек, что я не могу сейчас не то, чтобы есть, но даже усидеть на этом стуле. Ах, ба! Ей бы следовало знать меня лучше!”

Скрипнула деревянная ступенька, еще одна, три, четыре, восемь, десять...

– “Как же медленно бабушка карабкается по лестнице! И зачем в доме такое высокое крыльцо?!” – уже со скоростью ураганного ветра неслись мои мысли.

Запыхавшись, бабушка вошла в дом, и я вскочила со стула, взведенной пружиной взмыв вверх, готовая бежать, не помня себя, туда, где ждала меня вечная радость.

– Почтальон приходил, – отдышавшись, сказала бабушка.

– “Какой почтальон? О чем она говорит?” – было моей первой мыслью.

– Кто приходил? – наконец услышав, что сказала бабушка, переспросила я.

– Пенсию принесли.

– “Какой почтальон? Какую пенсию? Чему она так радуется?” – один за другим мыльными пузырями вздувались и лопались вопросы в моей голове.

– Добавили немного, и по слухам ветеранам труда еще к сентябрю добавят.

– “Значит, он не пришел?” – лопнул последний пузырь, и я опять села на стул.

– Хорошо, – только и смогла выдавить из себя я.

– В магазин пойдем, че-нибудь хочешь? – спросила бабушка.

Скучная и печальная дремота деревенской жизни прерывалась на дни пенсии или “пенсии”, как ее называли старушонки, и местные магазины оживали шумными очередями. Одетые в чистое и хорошо выглаженное старики стекались к центральной площади, чтобы радостью маленьких покупок отметить свою очередную победу в неравной борьбе со старческой бедностью. Отдав тяжелой работе свое здоровье и молодые силы, все они теперь примкнули к безликому войску пенсионеров. Вымуштрованные за многие годы, навыки к монотонному покорному труду и терпению теперь служили им, помогая “дотягивать до пенсии”. У некоторых, особенно одиноких, пенсионеров мастерство этой вынужденной аскезы было доведено до степени не разумного совершенства, когда, казалось, что последней непокорившейся вершиной была только смерть.

Помню, когда бабушка отправляла меня в магазин, я по дороге навевалась к старушке Марфе из дома напротив, узнать, не нужно ли ей чего. Она часто просила меня купить ей хлеба и еще пачку макарон при условии, что на нее хватит, вверенных мне, копеек. По возвращении я какое-то время топталась у ее палисадника, собираясь с мыслями. Она бесшумно открывала ворота, и я с видом напускного веселья, как бы второпях, вручала ей хлеб, макароны и немного желтых конфет. Она недоверчиво брала подарки, а я, сунув ей еще и сдачу, убегала прочь, не давая опомниться. Конечно, дома бабушка “недосчитывалась”, как она это называла, но никогда не винила меня за то, что я, по-видимому, съела по дороге мороженое или опять купила эту “противную жвачку”.

– Может насос купим? – предложила я.

– Господь с тобой, какой насос? – испуганно воскликнула бабушка.

– Велосипедный. Шина-то спущена.

– Да где ж я тебе его возьму?

– Надо в хозяйственном магазине спросить, – продолжала настаивать я.

– Ну давай спросим, только я не знаю... у них может не быть... насос.. велосипедный, вот ведь надо же – выдумала, – уже не замечая меня, говорила она сама с собой, а потом подытожила: “Собирайся – пойдем”.

Приготовления всегда были долгими. Сначала за печью бабушка долго гремела соском умывальника, чистя зубы, моя лицо и руки. Потом она заходила в комнату и просила меня помочь ей надеть платье. Я вскакивала на диван и подвешивала платье над ее головой. Здесь мы работали слажено и быстро. По технике исполнения это напоминало игру кольцоброс: бабушка протягивала обе руки кверху, а я, прицелившись, опускала платье так, чтобы ее руки точно угодили в рукава. Еще некоторое время она оставалась в таком положении, пока я не застегивала молнию сзади и не начинала подавать ей один за другим скатанные в кольца, тонкие трикотажные чулки. Она натягивала чулки на распухшие, опутанные венами ноги и крепила резинкой

чуть выше колен. В конце весь проделанный труд, как в сказке про Золушку, венчали туфли, только не хрустальные, а старомодные, лакированные с квадратной пряжкой, больше напоминающие туфли Золушкиных лакеев. Волшебство превращения было окончено, и бабушка была наконец готова. Все, что требовалось от меня – отмыть мои пятки и надеть сандалии.

Пока бабушка закрывала ворота, я пристально вглядывалась в окна злосчастного дома напротив, пытаюсь заметить хоть какие-то признаки жизни. Окна были закрыты, ни одна из занавесок не колыхалась, не было слышно никаких голосов или даже шорохов. Бабушка бросила ключи в сумку и, взяв меня за руку, повела через дорогу. Проходя мимо, я еще раз бросила свой взгляд на дом и непроизвольно вскрикнула – на воротах висел тот самый замок, который за последние пять лет, казалось, прирос к ним.

– Они уехали!

– Ну и слава Богу, – даже не взглянув на замок, отмахнулась бабушка.

– Но почему? – спросила я и зачем-то подняла глаза к небу.

– А я почем знаю?

До магазина мы шли молча – мои мысли были заняты Антоном, а бабушкины – людьми вокруг.

Хозяйственный магазин был первым и пока еще единственным магазином в деревне, работающим по иным правилам. Летательный аппарат под кодовым названием “ЧП” был заправлен поистине космическим топливом – чистой энергией предпринимательства, высвободившейся после большого взрыва большого государства. Его непосильно тяжелой миссией было вывести спутник новой рыночной экономики в открытый космос капиталистического пространства. Астронавты, летающие на этом аппарате, чувствовали свою избранность и исключительность, что создавало благоприятные условия для развития таких необходимых качеств их характеров, как высокомерие, жадность и хамство.

– “ЧП “Домовенок” магазин хозтоваров, – прочитала я про себя и подумала: “Почему у таких неприятных заведений всегда такие приятные названия?”

Мы вошли и как-то сразу с порога почувствовали, что нам здесь не рады. Видимо конструктором аппарата была плохо продумана система выведения отработанных газов и отходов, поэтому воздух внутри был спертый с примесью запахов ацетона и лака для волос.

– Мы закрыты, – донеслось из-под широкого прилавка, уставленного эмалированными ведрами.

Бабушка осмотрелась, не понимая, кто это мог сказать, и смело шагнула к прилавку.

– Женщина, вы меня не слышите? Мы закрыты, – настойчиво повторил голос, к которому теперь добавились нотки враждебности и пустой отзвук эмалированных ведер.

– Кто это говорит? – крикнула бабушка.

Надо сказать, она у меня была не из робкого десятка и иногда, пользуясь своими преклонными годами, умела хитро прикинуться слепой, глухой или по-старчески слабо мыслящей. Это был тот самый случай. Я поджала губы, чтобы сдержать довольную улыбку.

– Я говорю! – прокричал кто-то.

Голос раздался громко и совсем близко. Мы с бабушкой заглянули за прилавок. Там, между лопат и грабель, на перевернутом вверх дном тазе сидела продавщица и дула на ярко красные ногти. Обе ее руки лежали на прилавке, и окольцованные золотом пальцы были растопырены в разные стороны, как у жабы. Бабушка как ни в чем не бывало продолжила наступление.

– У вас есть велосипедный насос?

Из-за гряды ведер показалась сначала голова продавщицы с уложенными в виде муравейника волосами фиолетового оттенка, а потом – и она сама. Какое-то время она сканировала нас взглядом с видом равнодушным и надменным, затем спокойно, что тем не менее показало

лось мне еще более неприятным, повторила уже сказанное: “Мы закрыты по техническим причинам”.

– “Вот оно! – подумала я. – По техническим причинам! Конечно, мы на космическом корабле. Чем же еще объяснить столь странный вид продавщицы и ее инженерные термины?”

– Какой еще перерыв? – тоже спокойно спросила бабушка. – Где это написано?

– Нигде не написано! Я вам говорю!

Температура на борту стала постепенно подниматься, а лицо продавщицы – краснеть. Она подалась всем телом вперед. Никто не мог предсказать реакцию ее искусственного интеллекта, и мне стало страшно.

– Ба, не надо никакой насос, пойдем.

– А я вас еще раз спрашиваю – есть ли у вас в продаже велосипедный насос, – даже и не собиралась сдаваться бабушка.

Продавщица как-то жутко закатила глаза, цокнула и, приподняв уголок верхней губы, замерла так на мгновение.

– “Связывается с Центром”, – догадалась я.

– Пятнадцать тыщ! – выдала она коротко.

– Вот и славно – берем, – смягчилась бабушка и полезла за кошельком.

Когда мы вышли из магазина, мое сердце ликовало от радости. В первую очередь, это была радость за то, что у меня есть вот такая бабушка – земная и понятная, сильная и смелая. Во-вторых, у меня был свой насос, и починка велосипеда представлялась теперь плевым делом. Ну, а в-третьих... а что в-третьих? В моем сердце все еще теплилась надежда увидеть Антона и предложить ему поехать к водонапорной башне. Только я начала представлять нас вместе, мчащихся на велосипедах прочь от деревни, чтобы успеть к рассвету на сенокосном поле, как увидела его.

Он был с отцом. Их белая “восьмерка” была припаркована прямо посередине площади. Я не сразу поняла, чем они занимаются. Наклонившись, Антон взял из багажника автомобиля большую коробку, тоже самое сделал и его отец. Потом они пронесли коробки около полутора метров и поставили их на капот, укрытый полиэтиленовой пленкой. Антон откинул картонные лепестки коробок и один за другим принялся доставать из них небольшие пакеты, набитые чем-то цветным и сыпучим.

– “Конфеты! – осенило меня. – Они торгуют конфетами”.

На центральной площади часто торговали фруктами, овощами, сладостями, а иногда одеждой или обувью прямо с машин. Иногда это были большие грузовые машины – на них с далекого юга везли арбузы, дыни и яблоки, иногда это были легковые машины – и с них торговали, как правило, местными сезонными овощами или бесформенной одеждой китайского производства. Вот и сегодня машин на площади было много. Привезли груши и яблоки, астраханские арбузы и красные сочные помидоры. Капот одной из машин пестрил разноцветными гофрированными лентами для волос, плиссированными юбками и упаковками капроновых колготок.

– Пойдем, поглядим че привезли, – сказала бабушка и слегка потянула мою руку на себя.

Я машинально поплелась за ней, пытаюсь держаться немного позади, чтобы из-за ее широкой спины, как из укрытия, наблюдать за Антоном. Мы встали в конец длинной очереди позади большой грузовой машины с грушами. Чтобы скоротать время, бабушка завязала разговор с одной из женщин, стоявшей в очереди впереди нас. Женщина оказалась дочерью ее бывшей коллеги с завода, где она проработала больше двадцати лет. Пока бабушка проходила по всем давно отработанным вопросам – как мать, отец, как здоровье, чем занимаешься, когда замуж и т.п. – я, как замороженная, смотрела на Антона.

Он не привлекал той дерзкой хлесткой мальчишеской красотой, которая кружила девчонкам голову, но для меня он не был похож ни на кого из тех парней, которых мне дово-

дилось встречать раньше. Цвет его волос был такого оттенка русого, который бывает у стога сена, оставленного не укрытым и промоченного насквозь холодными осенними дождями. В отличие же от колючего сена, его волосы, казалось, были мягкими и легкими, как воробьиные перышки, и ветер все время причесывал их на свой импровизированный лад. Одним из самых примечательных черт его лица был высокий лоб.

Лоб был всегда той частью лица, на которую я прежде всего обращала внимание. При первой встрече я стеснялась смотреть людям в глаза, а вот разглядывание человеческих лбов было моим любимым занятием. Скользя взглядом по гладкому лбу, мне казалось, что я читаю открытую книгу, и чем ровней и красивей была форма этого лба, тем привлекательней и интересней я находила человека.

У Антона, как я уже сказала, лоб был гладкий и высокий, как пасхальный кулич. Взгляд его излучал искренность и открытость. Запоминающейся была и рыбе-видная форма его глаз с ювелирно выведенными в виде капель внутренними уголками. Изогнутые линии верхних век плавными лигами очерчивали его глаза, придавая их выражению изящество. Цвет его глаз точь-в-точь напоминал цвет прудовой тины, подсвеченной лучами желтого сентябрьского солнца – тускло-зеленый с золотистым подтоном.

Главным же его достоинством было его тело, точнее то, как он в нем жил. Отзывчивым отлаженным механизмом своего юношеского тела он управлял в высшей степени искусно. Но, как и в любом искусстве, достигнув совершенства и пресытившись им, гений устремляет свой взор к хаосу, так и этот юноша позволял себе легкую небрежность, призванную лишь подчеркнуть его незаурядный талант. Заметив его на улице, стоящего, скажем, в очереди или сидящего на остановке в ожидании автобуса, я бы вряд ли обратила на него внимание. Подобно музыке, живущей только в моменты ее звучания, его красота являла себя в движении. Чтобы разглядеть ее, нужно было какое-то время провести в наблюдении за танцем его тела. Он держался всегда прямо, но без напряжения, чуть запрокидывая голову назад, что придавало всему его виду раскованность. Своей же походкой он напоминал крадущегося кота. Ступая на землю, он каждый раз слегка пружинил на носках, как если бы шел по хрупкому льду, пытаясь быть совершенно невесомым. Я наблюдала, как он брал коробки из багажника машины и нес их до капота, и мне представлялось, что внутри него были натянуты тонкие струны, от вибрации которых и рождались его жизненные силы.

– Пару кило груш, – сказала бабушка толстому усатому мужику, в торгашеском азарте скачущего между контейнеров с фруктами. – Взять тебе арбуз? – обратилась она ко мне.

Я окинула взглядом зеленую арбузную гору – каждый тянул минимум килограммов на шесть.

– “Два килограмма груш, арбуз – вместе, допустим, восемь – мы еще и в хлебный зайдем, и путь не близкий, – прикидывала я. – Да, а потом вечером будет жаловаться на боли в спине и просить походить по ней”.

– Нет, не хочу арбуз, – наотрез отказалась я.

Бабушка расплатилась, и мы пошли дальше. Тут ее взгляд привлекли яркие пакеты с конфетами, и она потянула меня к машине, возле которой стоял Антон. От смущения я спряталась за ее спину и старалась не смотреть в его сторону. Мы подошли, и бабушкины глаза бросились врассыпную от пестрого многообразия.

– Катя, – вдруг прозвенел знакомый голос, – привет!

– “Вы только посмотрите на него – подумала я, – приветается как ни в чем не бывало”.

– Ой, Антон! Привет! – разыграв неожиданность, ответила я.

– Пойдем, я познакомлю тебя с отцом!

Он взял меня за кисть руки и повел к багажнику, откуда его отец уже нес очередную коробку. Он сразу мне понравился – высокий и худощавый с дружелюбной улыбкой. Внешне Антон был его точной копией.

– Пап, это Катя, – представил меня Антон.

– Здравствуй, Катя! Очень приятно. Антон говорил о тебе, – поздоровался отец, и я удивилась, насколько похожими были их голоса – как будто, те же колокольчики, только на тональность ниже.

Была в их манере говорить еще одна характерная черта – сладость. При разговоре их лица выражали какое-то гастрономическое блаженство – тихая сытая нирвана, подобная тем, куда попадают, когда пробуют десерт после основного блюда. Они слегка прикрывали глаза и клали в рот слова маленькими кусочками, не переставая при этом довольно улыбаться. Местные так не говорили. Как голодные, они набрасывались на слова, и, не жуя, проглатывали их целиком, от чего их речь звучала нетерпеливо, быстро и даже враждебно.

– Драсьте.

Услышав себя, я смутилась и мне захотелось бежать от этих слишком хороших людей. Почему-то мне вспомнился бабушкин погреб. Я стала смотреть себе под ноги и мысленно просить бабушку хоть как-то исправить первое впечатление.

– Я – Алексей Петрович, а это мой сын – Антон, – продолжал он легковесно, будто поддевая кремовую розочку с пирожного.

– Деждавасильна, – большим куском проглотила бабушка. – “Рачки” почему?

Моя голова упала на грудь. Пожалуй, первый раз в жизни мне не хотелось быть той, кем я являлась. Впечатление о нас обоих уже было испорчено, и бежать было некуда. Да и убежишь ли от себя? Поделать я с этим ничего не могла, и все, что оставалось, лишь ждать, когда бабушка купит этих несчастных “Рачков”, и я смогу сойти с позорного места. Все четверо замолчали.

– Пасиба, – сказала бабушка, когда Алексей Петрович подал ей мешочек с конфетами.

Она порылась в сумке и высвободила место под конфеты. Отсыпав несколько конфет себе в карман, она спрятала мешочек внутрь и принялась щупать воздух, ища мою руку.

– Всего хорошего! Думаю, еще увидимся, – смакуя, положил Алексей Петрович последний кусочек пирожного в рот. – До свидания, Катя.

– До свидания, Катя, – повторил за отцом Антон.

– Пока, – сказала я своим ногам и, поймав в воздухе бабушкину руку, последовала за ней.

Навыюченные мы стали подниматься от площади в гору, и гул покупательской возни стал стихать.

– Какие хорошие люди, – неожиданно для самой себя сказала я вслух.

– И “Рачки” у них свежие, – согласилась со мной бабушка.

Она явно была довольна покупкой и все еще посасывала язык после съеденной конфеты. В эту минуту позади я услышала шуршание гравия. Я обернулась и увидела, как Антон, запыхавшись, догонял нас бегом.

– Катя, подожди, я забыл сказать, – произнес он, когда наши взгляды встретились.

Я остановилась.

– Сдачу поди забыли, – буркнула бабушка, но почему-то продолжила идти.

Подойдя ближе, Антон дотронулся до моего локтя и заботливым жестом увлек с обочины в траву. Я боялась поднять на него глаза и поэтому уставилась на его модные неправдоподобно белые кеды.

– Я забыл извиниться, – тихо сказал он.

– За что?

– За то, что не пришел вчера, как обещал. Помнишь?

– “Как тут забудешь, когда все тело горит, будто только что из жаровни?”, – мысленно злилась я на него и на свои солнечные ожоги.

– А, ерунда, – соврала я, – я сама все починила, – опять соврала я.

– Отцу нужна была моя помощь, и мы ездили в город, там у тетки и заночевали, – торопливо постарался объяснить мне Антон.

– Ладно, забыли.

– Правда?

Антон присел и заглянул в мои опущенные глаза.

– Конечно, правда. Я никогда не вру!

Он улыбался и продолжал смотреть на меня. Я почувствовала, как земля начала уплывать у меня из-под ног, и как опутанная мягкой прохладной тиной я уже опускалась глубоко на дно пруда, куда солнце не могло дотянуть свои длинные обжигающие руки.

Водонапорная башня

Было около трех часов утра, когда завернутый в полотенце и заваленный подушками будильник сдавленно захрипел. Я открыла глаза и всем телом налегла на подушки, чтобы окончательно придушить его последние вздохи. Будильник стих – я ослабила мертвую хватку. Бесшумно выскользнув из постели, я прокралась к окну и отдернула занавеску.

Сквозь темноту уже начала проступать предрассветная синева, а звезды медленно таять и растворяться в остатках ночи. Я стояла за занавеской и всматривалась в окна дома напротив, которые с каждой минутой все четче вырисовывались в источающейся ночной дымке. В этой абсолютной тишине я слышала, как сердце гонит кровь к моим вискам и ушам, как разливает живое тепло в моей груди и наполняет силами для нового дня и безумного приключения в нем. Минуты ожидания расслабляли и усыпляли, убаюкивая своим ровным и плавным ходом.

Вдруг одно из окон вспыхнуло желтым светом электрической лампы внезапно так, что я вздрогнула. Сердце забилося как бешеное, и я от нетерпения засучила ногами.

– Проснулся, он проснулся! – радостно шептала я.

На подоконнике между горшков с геранью у меня был припрятан старый дедушкин фонарь. Я направила его свет в окно и начертила им в воздухе большое перекрестие. Окно напротив погасло, и я, еще раз перекрестив улицу включенным фонарем, закрыла занавеску и принялась шарить на полу свои шорты.

Бабушка храпела и посвистывала во сне, когда я на цыпочках проходила мимо ее дивана. Несмотря на залиvistые трели, ее сон был чуток, и она могла проснуться даже от скрипа диванных пружин, переворачиваясь с боку на бок. Я хорошо это знала и старалась собираться совершенно бесшумно. Выйдя в кухню, я взяла из холодильника заготовленную с вечера бутылку воды и два больших куска хлеба: один, намазанный клубничным вареньем, другой – маслом. Графином с водой я придавила к кухонному столу маленький клочок бумаги. Все это я мастерски проделала в полной темноте и без единого звука. У входной двери мне пришлось немного задержаться, чтобы дожидаться момента, когда крещендо бабушкиного храпа достигнет наивысшей точки своего развития, и под эту кульминацию можно будет незаметно улизнуть из дома.

Во дворе меня уже ждал мой отремонтированный и натертый до блеска велосипед. Я еще раз проверила шины, поочередно сдавив их пальцами, и, закрепив на багажнике полиэтиленовый пакет с провизией, выкатила его на улицу.

У Антона была зеленая “Кама”, обклеенная цветными наклейками, с исключительно работающим фонариком. Его свет буквально ослепил меня, когда я вышла.

– Привет. Поедешь первым, – с деловым видом скомандовала я. – У тебя вон как фонарик лупит.

– Привет. Как скажешь, – отозвался он и с шумом вытолкнул воздух из легких, собираясь рассмеяться.

– Тц-ц-ц, тише! Если мы разбудим бабушку, считай – накрылось все медным тазом.

– Чем накрылось?

– Медным тазом, – чуть медленней повторила я и перекинула одну ногу через велосипедную раму. – Значит так – едем сначала по главной дороге в сторону города, может километров восемь – десять, а потом я покажу, где свернуть. Понял?

– Понял.

Антон был одет в светло-серые шорты чуть ниже колен, белую широкую футболку и в те самые ослепительно белые кеды, которые были на нем, когда мы случайно встретились на центральной площади несколько дней назад. В этой светлой одежде он был похож на мотылька, прилетевшего на свет фонаря и безуданно порхающего вокруг него. В том, как он вскочил на велосипед и как, не присаживаясь на седло, закачался из стороны в сторону, и закрутил педали, было столько грации и легкой непринужденности, что я, засмотревшись, дала ему фору в несколько минут. Седло моего велосипеда было холодным и влажным от утренней росы. Я обтерла его рукой и села. Поставив одну ногу на педаль, я оттолкнулась другой и почувствовала, как мое тело сразу же отозвалось приятным балансирующим покачиванием. Я с силой надавила на педали, они послушно передали мою волю колесам, а те в свою очередь сорвали меня с места. Я вырулила на прямую дорогу и, разглядев вдали колышущееся от напора ветра белое облако Антоновой футболки, погнала свою “Тиссу” навстречу рассветному зареву.

Дорога была пустая – ни машин, ни людей. Мои ноги работали четко и слаженно, и скоро расстояние, разделяющее нас, стало сокращаться. Я выехала с обочины на гладкое асфальтовое покрытие и поравнялась с Антоном.

– Догнала, – улыбнувшись, сказал он и перехватил одной рукой руль моего велосипеда.

– Это было не сложно. Что ты делаешь?

– Ты можешь отпустить руль, не бойся – я держу!

– Я и не боюсь, – сказала я и вскинула обе руки к небу. – Лечу-у-у, смотри, я лечу-у-у, – кричала я и заливисто смеялась.

– Круто, да?

– Еще как!

Без устали мы крутили педали и мчали по самой середине дороги, минуя когда-то возделываемые, а теперь заросшие колхозные поля, порушившиеся хлебные амбары, брошенные и заржавевшие комбайнерные косилки. Посреди этого безмолвного кладбища целой эпохи больших человеческих надежд наш радостный смех раздавался особенного звучно и громко. Мы спешили оставить позади унылые деревни с их спящими жителями и успеть к заре нового дня – нашему времени молодых и влюбленных.

– Стой! – прокричала я Антону, который, увлекшись ездой наперегонки, проехал нужный нам поворот. – Стой! – еще громче прокричала я и рассмеялась.

Колышущееся вдали белое облако вдруг замерло, и из темноты раздался звон его голоса.

– Что случилось? Почему мы остановились?

– Здесь нужно повернуть, – приложив обе ладони ко рту в виде рупора, прокричала я.

– Хорошо!

Антон повернул, и милое белое облако опять затанцевало на фоне розовеющего неба. В одну секунду он приблизился ко мне и, шутя, протаранив переднее колесо моего велосипеда, спрыгнул с седла.

– Выключай фонарь – светает уже.

Антон выключил фонарик, и полумрак плеснул мне в глаза, ослепив. Я на ощупь слезла с велосипеда и повела его к щебенчатой обочине.

– Здесь глубокий овраг, так что пойдем пешком, – сказала я.

Следом за мной Антон спрыгнул на землю и, ухватившись за руль, скатил велосипед с дороги в землистый овраг. Я дождалась его внизу, а потом указательным пальцем в воздухе обвела кромку большой лужайки впереди и добавила: “Во-о-от так пойдем”.

Мне вдруг невозможно захотелось увидеть его лицо и прочитать на нем все, о чем он в этот момент думал. Я повернулась к нему. Его бархатные глаза были широко распахнуты – он то ли пытался разглядеть предстоящий нам путь, скрытый тенью граничащего с опушкой леса, то ли – бороться с запоздавшей дремотой. Я украдкой смотрела на него, и счастье, переполнявшее мое сердце, творило из этих секунд вечность.

– Как красиво! – прервал он свое молчание.

– Я же тебе говорила, что не пожалеешь. Нам идти еще где-то полчаса.

Овладев наконец собой, я отвела от него взгляд.

– Как раз к рассвету успеем, – заключил Антон.

– Должны.

Я крепко сжала велосипедный руль и с важным видом зашагала вперед. Через пару метров Антон догнал меня и повел свой велосипед бок о бок с моим. Мне казалось, что даже ступать со мной он старался в ногу.

– А что твоя бабушка скажет? Она же потеряет тебя, – спросил он.

– Я записку оставила.

– Молодец – сообразила. А я вот своим ничего не сказал.

– “Ну, если моя записка: “Уехала. Не волнуйся,” – вообще о чем-то говорит, то – да, неплохо сообразила,” – подумалось мне.

– И тебе ничего не будет? – спросила я с участием.

– Как не будет? Будет!

– Вали все на меня, – сказала я и почему-то выпрямила спину.

Мои слова насмешили Антона, и в приступе своей нечаянной радости он незаметно положил свою руку мне на плечи. Сею же секунду, как от струи ледяной воды, я судорожно свела острые лопатки и, вздернув плечи вверх, спрятала в них голову.

– Что с тобой? Я не кусаюсь. – Антон резко сменил громкий смех на мягкий шепот.

– “Опасный тип, прям как Хуан Карлос дель Вильяр из “Просто Марии”, которого бабушка звала “паразитом”, – пронеслось в моей голове.

– Ничего, – ответила я и услышала, что голос мой прозвучал неожиданно мягко.

– Ну, если тебе не нравится...

Антон убрал руку, и я как-то сразу сникла. Глупо, но мне стало грустно от того, что он не умел прочесть смыслы там, где они являли себя столь явно, что быть еще и произнесенными было бы уже излишне. Похоже, ко многим его талантам мне бы не удалось добавить ту сердечную чуткость, которая была свойственна мне. Я часто злилась на бабушку да и отчасти на своих родителей за сказанные невпопад слова, а иногда и поток слов, ненужных и неважных, и всегда мысленно силилась увидеть и понять сокрытое. В этом вакууме настоящих смыслов и родилась моя способность понимать не только то, о чем люди не говорят друг другу, но и то, о чем они не говорят даже самим себе.

Мы шли вдоль края леса, по ровной дуге огибая луг. Вдали, как будто из-под покрывала искрящейся от росы луговой травы, показалась рыжая макушка солнца. Впереди нас лесная лужайка кончалась крутым оврагом, а за ним начинались сенокосные поля. Обрыв был глубокий, что издали создавало нереальное ощущение того, что солнце вставало прямо из травы. Мы замедлили шаг, чтобы вдоволь налюбоваться открывшейся нашему взгляду картиной. Под нами, метров на семь вниз, по крутому склону сбегала узкая тропинка, ведущая к огромному плато гладко выкошенных угодий. В самом центре иллюминированная лучами восходящего солнца, в виде гигантского кораллового тюльпана вырастала из-под земли водонапорная башня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.